

Стратегическое соперничество и Россия: Тенденции и катализаторы

Грэм Хёрд

Европейский центр исследований в области безопасности им. Джорджа Маршалла, Германия, <https://www.marshallcenter.org/en>

Аннотация: В нынешний период, который можно назвать периодом смены парадигм, евроатлантический и евразийский порядок во многом будет определяться исходом войны России против Украины. Статьи этого номера посвящены различным аспектам этого периода, включая гибридные операции России в Румынии, Молдове и Грузии, а также самой войне и её последствиям для Украины, России и всего мира.

Ключевые слова: русско-украинская война, информационная война, терроризм, стойкость, ядерная доктрина, Румыния, Молдова, Грузия

Вступление

Консенсуса относительно природы и характеристик нынешнего мирового порядка, или парадигмы, нет, но в официальных стратегических и внешнеполитических документах США и Европы предпочитают термин «стратегическое соперничество». Однако, учитывая полномасштабное многовекторное нападение России на Украину, реальность – это война, а конфронтация на грани кризиса, способная привести к конфликту и войне, теперь характерна для всего восточного фланга НАТО. То, что мы называем эвфемизмом «стратегическое соперничество» на восточном фланге, по мнению некоторых, по сути является «холодной войной 2.0».

Однако это представление не полно. Во-первых, США считают «почти равным» себе конкурентом, или «главной угрозой», не Россию, а Китай, что отражает понимание смещения центра силы из Европы в Индо-Тихоокеанский регион, где соперничество сильнее всего и влечёт самые серьёзные

последствия. В этой реальности Россия является не перворазрядным игроком, как Китай, а скорее подчинённым ему, в то время как прокси-войны перемещаются из Индо-Тихоокеанского региона в Европу. Во-вторых, двуполярная структура международной системы смещается в сторону многополярности, и государства «глобального Юга» выбирают многовекторную политику вместо неприсоединения, играя гораздо более заметную роль между великими державами. В-третьих, соперничество происходит в эпоху экономической взаимозависимости, характеризующейся глобальными цепочками поставок и логистики, что порождает дилеммы «снижения рисков» и выбора между мягким и жёстким разрывом связей. В-четвёртых, стратегические расчёты в эпоху взаимосвязанных технологий, кибератак, развития искусственного интеллекта, войны в космосе и ядерного шантажа существенно усложняются.¹

Творцы либерального международного порядка после 1945 года ожидали, что он будет основан на либеральных принципах и процедурах, обеспечит общественные блага для всех, будет состоять из инклюзивных, универсальных институтов, объединяющих «ответственных участников», гарантирует верховенство права и возможность правовой защиты. В силу этого ожидалось, что такой порядок будет устойчивым и жизнеспособным, способным к самокоррекции. Этот открытый, основанный на правилах, предсказуемый и стабильный либеральный международный порядок закрепил влияние США в многосторонних институтах и определил законное поведение государств на основе либеральных обязательств.

Президент Путин правит уже 25 лет. Он стал системообразующей фигурой системы, отвергающей Запад. Западный порядок, в понимании Путина, не помог нелиберальной, реваншистской России, с её неоднозначными «государственно-цивилизационными» интересами и ценностями, слабой экономикой и отсутствием реальных союзников. Россия Путина объявила себя «государством-цивилизацией», уникальной и самобытной, не основанной на территории, этнической принадлежности или системе управления, но легитимизируемой некими давними историческими и культурными корнями. Такой порядок по определению несовместим с западным универсализмом и традиционной Вестфальской государственной системой. Государства-цивилизации выдвигают трансисторические региональные цивилизационные претензии и, по всей видимости, наиболее логично вписываются в региональный порядок, в котором они могут «естественным образом» доминировать.

¹ Graeme Dobell, "The 12 Elements of Cold War 2.0," *The Strategist*, Australian Strategic Policy Institute, September 12, 2024, www.aspistrategist.org.au/the-12-elements-of-cold-war-2-0/. См. также: Sam Winter-Levy, Nikita Lalwani, "The End of Mutual Assured Destruction? What AI Will Mean for Nuclear Deterrence," *Foreign Affairs*, August 7, 2025, <https://www.foreignaffairs.com/united-states/artificial-intelligence-end-mutual-assured-destruction>.

Москва больше занята поиском проблем, присущих, по её мнению, нынешнему миропорядку – однополярному, во главе со США и «ангლოსаксами», «колониальному» и «несправедливому», – чем предложением ясной альтернативы, помимо «справедливой многополярности».² Альтернативой либеральному международному порядку становится регионализм, проявляющийся в региональных институтах и блоках, определяющих региональные задачи и приоритеты.³ Россия, по-видимому, поддерживает порядок, основанный на балансе сил, где «государства-цивилизации» образуют независимые полюса и берут на себя формирование и управление порядком в своих сферах влияния. При таком порядке правила согласует новая «большая тройка» (Москва, Пекин, Вашингтон)⁴ или пять постоянных членов Совета безопасности ООН, при этом возможно некоторое управляемое стратегическое сотрудничество по системным, структурным и транснациональным вопросам в различных сферах. В определённом смысле, Россия поддерживает традиционную концепцию соперничества великих держав XIX века между формальными – преимущественно европейскими – империями, контролирующими вассалов в своих сферах влияния.

Украина, как катализатор мирового порядка?

«Оранжевая революция» в декабре 2004 года впервые в новейшей истории привлекла внимание мирового сообщества к Украине. Становится ли Украина индикатором формирующейся парадигмы мирового порядка 20 лет спустя? Безусловно, поражение Украины и победа России упрочили бы российскую альтернативу постлиберальному международному порядку, основанному на концепции блоков великих держав. Капитуляция Украины привела бы к поглощению её территории Россией. Остатки украинского государства оказались бы в сфере влияния России, при этом Москва напрямую контролировала бы внешнюю политику и безопасность Киева. Последующие процессы русификации и деукраинизации под руководством ФСБ гарантировали бы ликвидацию Украины как независимого государства, её государственность и самосознание подвергались бы уголовному преследованию; украинских мужчин принудительно призывали бы в российскую армию, а украинских подростков – использовали в качестве пушечного мяса в

² Graeme Herd, “The Atlanticist Anglo-Saxon Reich and All That: How Russia Understands Strategic Confrontation,” *Connections: The Quarterly Journal* 23, no. 2 (2024): 46–71, <https://doi.org/10.11610/Connections.23.2.04>.

³ Stacie E. Goddard, Ronald R. Krebs, Christian Kreuder-Sonnen, Berthold Rittberger, “Liberalism Doomed the Liberal International Order: A Less Legalistic System Would Help Protect Democracies,” *Foreign Affairs*, July 28, 2025, www.foreignaffairs.com/united-states/liberalism-doomed-liberal-international-order.

⁴ Dmitri Trenin, “Three Powers Will Shape Future State of World,” Carnegie Moscow Center, October 31, 2016, <https://carnegie.ru/2016/10/31/three-powers-will-shape-future-state-of-world-pub-64988>.

будущих конфликтах. Посаженные Кремлём украинские политические марионетки возглавили бы украинский ВПК, торговлю, вооружённые силы и внутривластный порядок. Миллионы украинцев остались бы в Европе как беженцы. В таком случае нестабильная, несамостоятельная Украина превратится в серую зону для торговли оружием, наркотиками и другой преступной деятельности. Российские войска и ядерное оружие окажутся на границах Польши и Румынии.

Поражение Украины означает победу России. В этом случае её международное положение и престиж, партнёрства и нарративы неизмеримо укрепятся. Уже сейчас, несмотря на более чем 1300 дней полномасштабной войны, три группы ожиданий и прогнозов дают Путину веру в неизбежность российской «победы». Во-первых, Россия считает, что владеет инициативой на поле боя, и в войне на истощение – учитывая ресурсы России и решимость Путина – коллапс Украины неизбежен.⁵ Во-вторых, украинская государственность воспринимается в России как экзистенциальная угроза, и потому должна быть полностью ликвидирована, иначе Россия рискует потерпеть историческое поражение, которое может спровоцировать распад её государственности. В-третьих, Путин создал новую экономико-политическую модель войны, основанную на социальной мобильности и перераспределении богатства, переориентировав экспорт нефти и газа на «Глобальный Юг» в интересах обогащения своего ближайшего круга.

Путин рассматривает Украину как главное препятствие на пути к своим стратегическим целям, если она останется независимой, и как главный приз в случае её поражения. «Возвращённая» Украина (наряду с Беларусью) обеспечила бы России экономический, демографический и военный мультипликатор для достижения более широких целей, включая поражение НАТО, изоляцию США и утверждение России в качестве европейской державы и евразийского регионального гегемона. Половинчатая мобилизация российского общества и экономики, начатая Путиным, полностью формализована – война действительно стала структурной основой и организующей логикой режима.

Для обеспечения устойчивости созданной Путиным сильной, но ломкой (в противоположность хрупкой) системы необходимо расширение её внешних границ и ресурсов для обеспечения, вознаграждения и обновления элит. Дальнейшая внешняя агрессия России становится неизбежной, как и угроза «второго фронта» на европейском театре военных действий. Чтобы избежать демобилизации и внутренней дестабилизации, Россия сначала использует свою армию для оккупации Украины и поддержки группы беглых украинских политиков-коллаборационистов, которых Россия в настоящее время «курирует». После «реинтеграции» Украины Путин столкнется с

⁵ Yevgeniya Gaber, András Rác, Graeme P. Herd, "Russia's Evolving Red Lines," *The Clocktower Series* CT25-02, George C. Marshall European Center for Security Studies, June 30, 2025, www.marshallcenter.org/en/publications/clock-tower-series/strategic-competition-seminar-series-fy25/russias-evolving-redlines.

выбором: демобилизовать войска или перебросить их на «второй фронт», как это сделал Саддам Хусейн по окончании ирано-иракской войны в 1988 году, вторгшись в Кувейт («19-я провинция») в 1990 году. Логика мировосприятия Путина предполагает, что затем придёт черёд новых «исторических русских земель».⁶ Это активизирует агрессивную политику Китая в отношении «первой островной цепи» и стремление России открыть «второй фронт» в Молдове, Закавказье, Северном Казахстане и странах Балтии.

Поражение Украины также, по-видимому, подтвердит слова министра иностранных дел Китая Ван И, якобы сказанные верховному представителю ЕС по иностранным делам и политике безопасности Кае Каллас, о том, что Пекин не может допустить поражения России в войне против Украины.⁷ Предполагаемые преимущества «безграничной дружбы» (китайские «друзья» приносят реальную «выгоду») повысили бы репутацию Китая на Глобальном Юге и в деморализованной Европе. Китай не только не отказался бы от агрессии против Тайваня – вероятность китайского вторжения возросла бы, возможно, одновременно со «вторым фронтом» России в Европе.

Укрепились бы нарративы России о «колониальном», «несправедливом» и «неравноправном» для Глобального Юга международном порядке. Способность России предстать сторонником суверенитета, гарантом безопасности и надёжным партнёром усилилась бы. Предвидение «Сначала Кабул, потом Киев»⁸ стало бы аксиомой на Глобальном Юге. Антизападный лагерь группы БРИКС+ укрепился бы, и привлекательность России и Китая, как незападных или антизападных альтернатив, возросла. Кроме того, укрепились бы связи России с Беларусью, Ираном и Северной Кореей (BRINK) и с поддерживаемыми ими террористическими группами, что придало бы смелости глобальному антизападному реваншистскому лагерю.⁹ Эти государства и их марионетки продолжали бы выступать ледоколами и тральщиками международной системы, действуя в интересах Китая.

---

⁶ “‘A Justified Perception of Russian Interests:’ Unearthed German Memo Reveals Putin Laid Claim to Parts of Ukraine and Kazakhstan Back in 1994,” *Meduza*, August 6, 2025, <https://meduza.io/en/feature/2025/08/06/a-justified-perception-of-russian-interests>.

⁷ Finbarr Bermingham, “China Tells EU It Does Not Want to See Russia Lose Its War in Ukraine: Sources,” *South China Morning Post*, July 4, 2025, www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3316875/china-tells-eu-it-cannot-afford-russian-loss-ukraine-war-sources-say.

⁸ «Похожая ситуация ожидает и сторонников американского выбора на Украине», интервью Секретаря Совета безопасности РФ Николая Патрушева Алексею Забродину, *Известия*, 19 августа 2021, <https://iz.ru/1209165/aleksei-zabrodin/pokho-zhaia-situatcia-ozhidaet-i-storonnikov-amerikanskogo-vybora-na-ukraine>; см. также: Graeme Herd, “The Causes and the Consequences of Strategic Failure in Afghanistan?” *Marshall Center Security Insights*, no. 68, August 2021, www.marshallcenter.org/en/publications/security-insights/causes-and-consequences-strategic-failure-afghanistan-0.

⁹ Jahangir E. Arasli, Dmitry Gorenburg, David Lewis, Graeme P. Herd, “Russia End State: BRINK (Belarus, Russia, Iran, and North Korea) Links?” *The Clock Tower Security Series* SCSS 10, George C. Marshall European Center for Security Studies, July 24, 2024,

Помимо усиления России, поражение Украины явно ослабило бы политический или «глобальный Запад». Задачи европейской политики Министерства обороны США оказались бы невыполнимы. Европейская неядерная оборона и сдерживание, распределение затрат и общая трансатлантическая оборонно-промышленная база утратили бы всякий смысл после поражения Украины. Вместо усиления европейской опоры НАТО, дискурс после распада НАТО сместился бы в сторону возможной Организации европейского договора (договорного европейского механизма коллективной обороны) или европейской системы безопасности (беззубой европейской ОБСЕ). США перестали бы быть европейской державой, институционализированной через НАТО (если НАТО перестанет существовать). В любом случае, США, вероятно, на двусторонней основе взаимодействовали бы с европейскими государствами, большинство из которых уже не находились бы под американским ядерным зонтиком, конкурируя с Россией и Китаем за влияние на меркантильной двусторонней основе.

В этой ситуации авторитет внешней политики администрации Трампа ослабнет. «Война Байдена» стала бы «поражением Трампа» для России, и Кремль учёл бы стратегическую решимость и стратегическую терпимость администрации Трампа в своих стратегических расчётах и прогнозах. Москва увидела бы явную слабость «разделённого Запада». Россия активизировала бы гибридные действия в Европе, включая дальнейшее использование миграции в качестве оружия, кибератаки, поддержку организованной преступности и диверсий со стороны ФСБ, а также рост поддержки популистских партий, что ещё больше отдалило бы некоторые страны (не только Словакию и Венгрию) от США. Россия представляла бы большую угрозу для Соединенных Штатов, в то время как США были бы менее способны – с деморализованными союзниками и партнёрами – противостоять ей, используя многочисленные реальные региональные слабости России: Армения находится на грани выхода из ОДКБ; очевиден серьёзный раскол с Азербайджаном; российское влияние в Центральной Азии слабеет; падение режима Асада в Сирии создало серьёзные проблемы для российского присутствия и военной логистики в поддержку военных хунт в Сахеле; а слабая поддержка Ирана ещё больше свидетельствует о перенапряжении ресурсов России.

Если Украина выстоит, Россия проиграет. Путин явно предпочитает войну фактическому предложению администрации Трампа о «почётном» выходе из ситуации, включая фактическое признание США контроля России над оккупированными регионами Украины, юридическое признание Крыма, отказ от членства Украины в НАТО, ослабление санкций и прекращение публичной критики российского вторжения и упоминаний о военных преступлениях в Украине. Вместо того, чтобы принять «победу», Путин продолжает

настаивать на своем максималистском требовании полной капитуляции Украины.¹⁰ Для «глобального Запада» недопущение поражения Украины – крайне маловероятного исхода – обойдётся гораздо дешевле, чем допущение такого поражения. Поражение Украины укрепило бы воинственную стратегию России и Китая. Будучи самопровозглашёнными «государствами-цивилизациями», обе страны могли бы безнаказанно захватывать территории, сопровождая это ядерным шантажом, что стало бы нормой международных отношений. Перед лицом такой угрозы государства обоснованно видели бы в ядерном оружии единственную надежную гарантию своего суверенитета и выживания. Сформировалась бы антиамериканская ось, простирающаяся от Индо-Тихоокеанского региона до Африки и Крайнего Севера. Политика «Америка прежде всего» превратилась бы в «Америку без никого» в более нестабильном, непредсказуемом мире с каскадными катастрофическими последствиями первого и второго порядка.

Структура специального выпуска

В наш период «смены парадигмы» на карту поставлено многое, и хотя понятия «стратегическое соперничество» или «холодная война 2.0» не полностью отражают реальность, евроатлантический и евразийский порядок будет не только формироваться, но и во многом определяться исходом российского вторжения в Украину. Этот мировоззренческий вопрос рассмотрен в девяти статьях десяти авторов этого номера, которые анализируют и раскрывают ключевые аспекты данной проблемы.

Первые три статьи касаются разных аспектов российских гибридных операций в Румынии, Молдове и Грузии. В остальных пяти статьях рассмотрены последствия вторжения России в Украину, включая перспективы нейтралитета Украины, соглашения о безопасности и возможность создания европейских сил стабилизации, влияние российского вторжения на глобальный терроризм, ядерную доктрину России и её торговлю нефтью и природным газом с Европой.

Константин Спину начинает свой анализ с описания информационного вмешательства России, направленного на подрыв единства румынского общества после полномасштабной агрессии России против Украины. Он рассматривает присутствие России в румынском общественном пространстве во время беспрецедентных четырех выборов 2024 года, кульминацией которых стала первая в истории отмена президентских выборов. В статье показано, как Россия стремилась легитимизировать своё вторжение в Украину, ослабить общественную поддержку Украины в Румынии и подорвать

---

¹⁰ Yevgeniya Gaber, Graeme P. Herd, "Russia's End State: What Deters Russia?" *The Clock Tower Security Series* SCSS 1, George C. Marshall European Center for Security Studies, October 15, 2024, www.marshallcenter.org/en/publications/clock-tower-series/strategic-competition-seminar-series-fy25/russias-end-state-what-deters-russia.

доверие к национальным властям, а также приверженность демократии и западным ценностям.

Кхьяти Сингх сравнивает российскую тактику дезинформационных операций в Румынии и изучает как её можно применить в Молдове и Грузии. Опираясь на теорию стратегических коммуникаций, доктрину информационной войны и теорию гибридной войны, она анализирует конкретные исторические, культурные и политические слабости, которые используются российскими дезинформационными кампаниями в Румынии. Затем в статье разрабатываются прогностические модели эскалации таких операций на основе трёх альтернативных сценариев политического развития России, предлагая понимание потенциальных вариаций методологии, целевой аудитории и воздействия. Эта сравнительная модель предполагает, что Румыния послужила экспериментальной лабораторией для отработки тактики дезинформации, которая далее адаптируется для применения в соседних государствах с учётом конкретных региональных слабостей.

Шалва Дзедзисашвили исследует способность грузинской политической системы и институтов противостоять враждебным российским нарративам, направленным на подрыв доверия к демократической системе Грузии. Автор рассматривает проблему национальной стойкости и разрабатывает и применяет комплекс инструментов, используя индекс стойкости/уязвимости к угрозам, для оценки ключевых политических субъектов Грузии. В итоге автор может рассчитать совокупный индекс стойкости всей политической системы к угрозе, исходящей от российской пропаганды.

Обращаясь непосредственно к Украине и последствиям полномасштабного вторжения, Марк Нексон задаёт вопрос: поможет ли нейтралитет восстановить Украину? Автор анализирует потенциальную полезность нейтралитета для Украины, изучая опыт послевоенных Финляндии, Австрии и других государств, переживших конфликты. В статье утверждается, что для того, чтобы стать нейтральным государством, способным сдерживать российскую агрессию, Украине, обладающей достаточными вооружёнными силами, пришлось бы пожертвовать как своей государственностью в границах 1991 года, так и стратегической ориентацией на Запад. Чтобы перейти от прекращения огня к нейтралитету, как стратегическому выбору, а не навязанному результату, Украине нужны гарантии безопасности. В теории, нейтралитет мог бы открыть Украине путь к мирному государственному устройству, но на практике он, скорее всего, станет механизмом расчленения украинского национального государства Российской Федерацией.

Елизавета Шевченко и Грэм Хёрд исследуют, применительно к Украине, потенциальную связь 29 двусторонних соглашений о безопасности, подписанных Украиной со странами Глобального Запада, с политическим мандатом предлагаемых миротворческих сил («сил сдерживания»), а также военной миссией или задачами, которые такие силы могли бы выполнять, чтобы помочь Украине защититься и предотвратить новое нападение России. Эти соглашения о безопасности можно рассматривать с разных точек зрения:

как предпосылку возможного членства Украины в НАТО; как стратегический инструмент, чьи ключевые положения и реализация способствовали бы «вооружённому нейтралитету» Украины в соответствии со стандартами НАТО и, одновременно, укреплению европейского компонента Альянса; или как первые шаги, которые гипотетически позволяют Украине вступить в НАТО в будущем. Ультиматум президента Трампа о крайнем сроке прекращения огня повышает вероятность развёртывания миротворческих сил, если Путин не согласится на прекращение огня.

Питер Кент Форстер далее рассматривает взаимосвязь между полномасштабным вторжением и глобальным терроризмом, утверждая, что российская агрессия отвлекла внимание от проблемы терроризма, в то время как риски транснационального, регионального и местного терроризма, прямо или косвенно связанные с войной в Украине, возрастают. Форстер анализирует недавние события и комментарии, формируя базу для изучения влияния войны на развитие транснационального терроризма, и представляет доказательства появления новых векторов террористической угрозы, усложняющих традиционные стратегии борьбы с терроризмом.

Айшегюль Кетенджи и Кахраман Сювары анализируют причины пересмотра Россией своей ядерной доктрины в 2020 и 2024 годах, отмечая влияние полномасштабного вторжения 2022 года на изменение регионального и глобального баланса сил. Они утверждают, что эти изменения привели к снижению порога применения ядерного оружия Россией и расширению условий для его использования. На изменения повлияли как внешние факторы, такие, как противодействие Запада и санкции, так и внутренние проблемы, включая внутривнутриполитическую нестабильность. Пересмотренная доктрина отражает попытку России усилить свою ядерную политику в ответ на изменение условий безопасности.

Наконец, Марк Озава анализирует, как вторжение России в Украину повлияло на торговлю России нефтью и природным газом с Европой. В своей статье он прослеживает степень зависимости Европы от российских энергоносителей и уровень доверия между европейскими и российскими участниками энергетического рынка, анализируя изменения в политике отдельных стран и ЕС в целом (включая санкции), данные опросов общественного мнения и заявления представителей компаний и правительств. Вторжение России в Украину стало переломным моментом и самым серьёзным разрывом в отношениях между Европой и Россией за последнее поколение, при этом все традиционные показатели доверия – такие, как сотрудничество, официальные заявления, стратегии хеджирования и общественное мнение – указывают на долгосрочное разрушение этого доверия.

Примечание

Мнения, выводы, заключения и рекомендации в данной публикации принадлежат автору и могут не отражать официальную политику или позицию

Консорциума «Партнёрство ради мира», организаций-участниц и любых правительственных или международных организаций, связанных с его руководящими структурами.

Об авторе

Д-р **Грэм Хёрд** – см. краткую биографию на стр. 120 этого журнала, <https://doi.org/10.11610/Connections.rus.24.2.06>

Библиография

- “‘A Justified Perception of Russian Interests:’ Unearthed German Memo Reveals Putin Laid Claim to Parts of Ukraine and Kazakhstan Back in 1994,” *Meduza*, August 6, 2025, <https://meduza.io/en/feature/2025/08/06/a-justified-perception-of-russian-interests>.
- “Supporters of US Choice in Ukraine to Face Similar Situation,” Russian Security Council secretary Nikolai Patrushev in an interview with Alexei Zabrodin, *Izvestiya*, August 19, 2021, <https://iz.ru/1209165/aleksei-zabrodin/pokhozhaia-situatcia-ozhidaet-i-storonnikov-amerikanskogo-vybora-na-ukraine>. – in Russian
- Arasli, Jahangir E., Dmitry Gorenburg, David Lewis, and Graeme P. Herd, “Russia End State: BRINK (Belarus, Russia, Iran, and North Korea) Links?” *The Clock Tower Security Series* SCSS 10, George C. Marshall European Center for Security Studies, July 24, 2024, <https://www.marshallcenter.org/en/publications/clock-tower-security-series/strategic-competition-seminar-series-fy24/russia-end-state-brink-belarus-russia-iran-and-north-korea-links>.
- Bermingham, Finbarr, “China Tells EU It Does Not Want to See Russia Lose Its War in Ukraine: Sources,” *South China Morning Post*, July 4, 2025, www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3316875/china-tells-eu-it-cannot-afford-russian-loss-ukraine-war-sources-say.
- Coker, Christopher, *The Rise of the Civilizational State* (John Wiley & Sons, 2019).
- Dobell, Graeme, “The 12 Elements of Cold War 2.0,” *The Strategist*, Australian Strategic Policy Institute, September 12, 2024, www.aspistrategist.org.au/the-12-elements-of-cold-war-2-0/.
- Gaber, Yevgeniya, and Graeme P. Herd, “Russia’s End State: What Deters Russia?” *The Clock Tower Security Series* SCSS 1, George C. Marshall European Center for Security Studies, October 15, 2024, <https://www.marshallcenter.org/en/publications/clock-tower-series/strategic-competition-seminar-series-fy25/russias-end-state-what-deters-russia>.
- Gaber, Yevgeniya, András Rácz, and Graeme P. Herd, “Russia’s Evolving Red Lines,” *The Clock Tower Series* CT25-02, George C. Marshall European Center for Security Studies, June 30, 2025, <https://www.marshallcenter.org/en/publications/clock-tower-series/strategic-competition-seminar-series-fy25/russias-evolving-redlines>.
- Goddard, Stacie E., Ronald R. Krebs, Christian Kreuder-Sonnen, and Berthold Rittberger, “Liberalism Doomed the Liberal International Order: A Less Legalistic System Would Help Protect Democracies,” *Foreign Affairs*, July 28, 2025, <https://www.foreignaffairs.com/united-states/liberalism-doomed-liberal-international-order>.

Herd, Graeme, "The Atlanticist Anglo-Saxon Reich and All That: How Russia Understands Strategic Confrontation," *Connections: The Quarterly Journal* 23, no. 2 (2024): 46-71, <https://doi.org/10.11610/Connections.23.2.04>.

Herd, Graeme, "The Causes and the Consequences of Strategic Failure in Afghanistan?" *Marshall Center Security Insights*, no. 68, August 2021, www.marshallcenter.org/en/publications/security-insights/causes-and-consequences-strategic-failure-afghanistan-0.

Trenin, Dmitri, "Three Powers Will Shape Future State of World," Carnegie Moscow Center, October 31, 2016, <https://carnegie.ru/2016/10/31/three-powers-will-shape-future-state-of-world-pub-64988>.

Winter-Levy, Sam, and Nikita Lalwani, "The End of Mutual Assured Destruction? What AI Will Mean for Nuclear Deterrence," *Foreign Affairs*, August 7, 2025, <https://www.foreignaffairs.com/united-states/artificial-intelligence-end-mutual-assured-destruction>.